

М. М. Кром

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. krom@eu.spb.ru

**ДОБРОХОТЫ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА:
ИЗ ИСТОРИИ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ И ЛОЯЛИСТСКОЙ ЛЕКСИКИ
(ДО НАЧАЛА XVII в.)**

В статье на материале широкого круга источников (летописей, княжеских докончаний, крестоцеловальных записей, посольских книг, публицистики и т. д.) прослеживается история таких слов и выражений, как *добра хотьти*, *доброхот*, и их производных. Показано, что в Пскове XV – начала XVI в. слова из этого ряда служили для выражения местного патриотизма, в Северо-Восточной Руси второй половины XIV – середины XV в. – для обозначения взаимных обязательств князей в докончаниях; в Московском государстве XVI в. они входили в присягу на верность государю, а в эпоху Смуты использовались патриотами для воодушевления своих единомышленников. *Ключевые слова:* патриотизм, лояльность, княжеские докончания, крестоцеловальные записи, Московское государство, Псков

Одним из важных источников по истории самосознания русского общества эпохи Смуты является анонимное публицистическое сочинение, известное под названием «Новая повесть о преславном Российском царстве». За почти полтора века изучения этого памятника было высказано немало соображений по поводу времени и обстоятельств его создания, стилистических особенностей и возможного авторства [Платонов, с. 86–102; Лихачев, с. 116–119; Дробленкова, 1960; Дробленкова, 1993]. Благодаря наблюдениям Я. Г. Солодкина была уточнена датировка «Новой повести»: теперь она передвинута на февраль – начало марта 1611 г.; тот же исследователь выдвинул и обосновал гипотезу о принадлежности этого текста перу московского дьяка Марка Ивановича Поздеева [Солодкин].

Помимо характерной для эпохи Смуты политической злободневности и несомненных литературных достоинств, «Новая повесть» примечательна также тем, что в ней – за сто с лишним лет до первого упоминания в русском тексте заимствованного из западноевропейских языков термина «патриот» – фигурирует его отечественный аналог, выражение «доброхотящие Российскому царству». Обращаясь к единомышленникам, автор в последних строках своего сочинения призывает им на помощь небесные силы: «Буди же вам всем, доброхотящим Российскому царству, милость Божия и помощь и Пречистыя Богородица, и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице преимянитых, и всех святых»¹.

Мне уже приходилось писать об этом ярком эпизоде из истории русского патриотизма [Кром, 1994, с. 28; Кром, 2020, с. 59], но происхождение процитированной патриотической формулы остается неясным. Рассмотренная в отрыве от предшествующей традиции, она может показаться смелой новацией Марка Поздеева или какого-то иного дьяка, скрывшего свое имя при написании «Новой повести». А между тем на поверку оказывается, что еще в середине XV в. то же выражение («добра хотящие»), но только в локальном, псковско-новгородском, контексте, дважды было использовано псковским летописцем². Эти летописные известия будут подробно проанализированы ниже, а пока следует констатировать, что история патриотической лексики XV – начала XVII в. остается малоисследованной и нуждается в тщательном изучении. Предлагаемая статья задумана как шаг в этом направлении.

¹ Новая повесть о преславном Российском царстве // БЛДР. СПб., 2006. Т. 14. С. 178.

² Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 50, 51. Отмечено в кн.: [Кром, 2020, с. 56].

* * *

Самый ранний пример употребления слова «доброхот», приведенный в Словаре русского языка XI–XVII вв., датируется 1463 г. и заимствован из Псковской II летописи: «Прииде из-за рубѣжиа доброхот чюдин и повѣда псковичам, что сила немецкая готова...»³. Но пятнадцатью годами ранее в Псковской I летописи встречается словосочетание, от которого, собственно, и произошло слово «доброхот». Ввиду важности этого известия для изучаемой темы приведу его целиком.

27 декабря 1448 г. в Псков прибыл новгородский архиепископ Евфимий и отслужил литургию в Троицком соборе. А на третий день по своем приезде, говорит летописец, владыка «оучини собор во святеи Троицы, и сенадикт чтоша: и злыя проклинаша, которыя зла хотят дому святеи Софии и дому святеи Троицы, и великому Новуграду и Пскову, а благовѣрным князем, лежащим в дому святеи Софии и в дому святеи Троицы, тѣм пѣша вѣчную память, тако же и инѣм добрым людем, котории положиша свои главы и кровь свою пролияша за дома божия и за православное христианство, тѣм пѣша вѣчную память; а живущим окрест святого София в Великом Новегороде, и окрест святеи Троицы в Великом Пъскове, и добра хотящим Новугороду и Пскову, тѣм пѣша многа лѣта»⁴.

Этот текст читается в Тихановском списке, который, по мнению исследователей, отражает самую раннюю редакцию Псковской I летописи – свод 1469 г. [Охотникова, с. 28].

Судя по приведенному описанию, соборная служба, которую отслужил архиепископ Евфимий в главном храме Пскова в самом конце декабря 1448 г., была совершена по чину Торжества Православия. По церковному календарю этот праздник приходится на первое воскресенье Великого поста, в данном же случае торжественная служба, по-видимому, была приурочена к одному из редких визитов новгородского владыки в Псков, входивший в его епархию.

Упомянутый летописцем «сенадикт» – это, очевидно, вселенский синодик, который читается в неделю Православия: туда вносились имена защитников истинной веры (живым пели «многая лета», усопшим – «вечную память»); особый раздел содержал имена еретиков и врагов церкви, которые предавались анафеме.

Указанный эпизод еще в XIX в. привлек к себе внимание специалистов по литургике. Так, К. Т. Никольский, комментируя приведенное выше известие Псковской I летописи о литургии, совершенной архиепископом Евфимием в Троицком соборе в декабре 1448 г. (исследователь ошибочно датирует это событие 1450 г.), отмечал, что владыки «совершали в храме соборне чин, подобный тому, который совершается ныне в день Православия, читали синодик... И это совершали не в неделю Православия, а в такое время года, в которое находили нужным, по обстоятельствам времени, чтение указанного синодика» [Никольский, с. 163].

Как известно, текст синодика на Руси различался от епархии к епархии [Дергачев, с. 22–25, 28–29]. Псковский летописец упомянул ту его редакцию, которая была принята в Новгородской епархии: здесь поминались новгородские и псковские князья, похороненные, соответственно, в Софийском и Троицком соборах. Не были забыты и заслуги земляков-современников: собравшиеся в храме могли отнести на свой счет пожелание многолетия, адресованное жителям двух главных городов епархии, «добра хотящим Новугороду и Пскову». Вероятно, этой церковно-политической акцией Евфимий хотел укрепить единство и сплоченность своей паствы, новгородцев и псковичей, в условиях продолжавшейся на Руси междоусобной войны, развязанной московскими князьями.

³ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 53; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 269.

⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 49–50.

В следующий отмеченный в летописи приезд владыки Евфимия в Псков в январе 1453 г. в Троицком храме вновь была совершена соборная служба, описанная летописцем в тех же самых выражениях, включая и многолетие «хотящим добра Великому Новуграду и Пскову»⁵.

В том же смысле использовал выражение «добра хотѣти» и псковский летописец середины XVI в. Вот как в Варшавском списке Псковской I летописи, самом раннем из тех, что отразили Свод 1547 г., говорится о князе И. М. Репне Оболенском, конфликт с которым стал прологом к роковому походу великого князя Василия III на Псков в 1510 г., положившему конец самостоятельному существованию города: «... а тот Репня не пошлиною во Псков приѣхал, да сѣл на княжении, а не по крестному целованию учал во Псковѣ жити, а не учал добра хотѣти святей живоначалней Троицы, ни мужем псковичам...»⁶.

Как видим, в псковской летописной традиции XV–XVI вв. словосочетание «добра хотѣти» и производное от него «добра хотящие» последовательно использовались для выражения патриотической идеи преданности своему городу, то есть местному политическому обществу, защиты его интересов; и того же псковичи требовали от князей, приезжавших к ним на службу.

* * *

Устойчивое выражение «добра хотѣти» было хорошо известно и в Северо-Восточной Руси. Однако там оно применялось в ином контексте и с иными целями, став со второй половины XIV в. обязательным элементом княжеских докончаний.

Впервые мы видим его в самом раннем договоре великого князя Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, князем серпуховским, который В. А. Кучкин датирует временем между октябрем 1364 и январем 1366 г. [Кучкин, 1998, с. 38–43]. В грамоте, составленной от имени великого князя Дмитрия и обращенной к серпуховскому князю, говорится: «А добра ти мнѣ хотѣти во всемъ»⁷. Далее, через несколько строк, это требование дополнено еще одним обязательством: «А что ти слышавѣ о мнѣ от кр(е)стьянина ли, от поганина ли, о моѣмъ добрѣ или ѿ лисѣ, или о нашей оч(и)нѣ, и о всѣхъ кр(е)стьянехъ, то ти мнѣ повѣдати в правду, без примышленья, по целованью. А мнѣ тако же тебе повѣдати»⁸. Оговорка о том, что источником важной информации мог быть как христианин, так и иноверец («поганин»), указывает на возможное участие духовного лица в составлении договора, равно как и слова о «добре» и «лихе», «правде», «братстве» и «любви»⁹, которые подчеркивают моральный аспект докончания между братьями-князьями. Это предположение усиливается тем обстоятельством, что договор, как явствует из первой его фразы, был заключен «по благословенью» митрополита Алексея и в его присутствии: «Целовали ѳсмы кр(е)сть оу о(т)ця своѣго оу Олексѣя, оу митрополита всея Рус(и)»¹⁰.

Две части статьи о «добре», разделенные в договоре 1364/1365 г. статьей другого содержания, в последующих княжеских докончаниях были объединены в одно целое. Как выглядела эта статья во втором договоре великого князя Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем, заключенном, вероятно, в 1372 г. (о дате см.: [Кучкин, 2007, с. 71–77]), остается неизвестным, поскольку сам договор дошел до нас в очень дефектном виде:

⁵ Там же. С. 50–51.

⁶ ПСРА. СПб., 2018. Т. 45. С. 108. Тот же текст, с незначительными разночтениями, содержится в Погодинском списке Псковской I летописи: Псковские летописи. Вып. 1. С. 92.

⁷ ДДГ. № 5. С. 20.

⁸ Там же.

⁹ Там же. № 5. С. 20–21.

¹⁰ Там же. № 5. С. 19.

от интересующей нас статьи сохранились только первые два слова: «А добра...»¹¹. Но в докончании великого князя Дмитрия Ивановича, князя Владимира Андреевича и Великого Новгорода с тверским великим князем Михаилом Александровичем (1375 г.) та же статья звучала следующим образом: «А добра ти нам хотѣти во всем, вездѣ, без хитрости. А што ти слыша ото кр(е)стьянина или от поганина о нашем добрѣ или о лисѣ, а то ти нам повѣдати въ правду по целованью без хитрости»¹².

Имевшаяся в договоре 1375 г. неопределенность в отношении территории («езде»), на которой должно было действовать взятое на себя князьями обязательство желать «добра» друг другу, была устранена в следующем внешнеполитическом соглашении московских князей – с рязанским великим князем Олегом Ивановичем, заключенном (по датировке В. А. Кучкина в новейшей публикации документа) 2 августа 1381 г. В сохранившемся тексте грамоты, составленной от имени Олега Рязанского и адресованной великому князю Дмитрию Ивановичу и его двоюродному брату Владимиру Андреевичу, соответствующий пункт был сформулирован так: «А добра вы мнѣ хотѣти во всем, в Ордѣ и на Руси, от *от* чистос(е)рдѣа»¹³.

С этим уточнением – «в Орде и на Руси» – статья о «добре» включалась впоследствии, начиная с 1399 и вплоть до 1460-х гг., в договоры великих князей московских с тверскими великими князьями¹⁴. Та же формулировка встречается иногда в договорах между самими московскими князьями – великими и удельными: впервые – в докончании Василия I Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (январь 1390 г.)¹⁵, а позднее, в 1430-х гг., – в докончаниях, которые Василий II Васильевич в разгар междоусобной войны заключал со своими двоюродными братьями, галицкими князьями Дмитрием Шемякой, Дмитрием Красным и Василием Косым¹⁶. Но с прекращением «замятни» и укреплением великокняжеской власти удельные князья окончательно лишились права внешних сношений, включая прямые контакты с Ордой, и оговорка «в Орде и на Руси», потеряв актуальность, исчезла из соответствующей статьи княжеских договоров.

Важное дополнение к той же статье появилось в середине XV в. в договорах с Литвой: желание «добра» относилось теперь не только к правителю, но и к его «земле», то есть стране. Так, в договоре Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром от 31 августа 1449 г. говорилось: «А добра намъ ему хотети и его земли везде, где бы не было. А ему нам добра хотети и нашои земли везде, где бы не было»¹⁷. Точно такой же пункт был включен и в мирный договор Ивана III с великим князем литовским Александром, заключенный 5 февраля 1494 г.¹⁸

Это свидетельствует о том, что внешнеполитические соглашения в ту эпоху, в отличие от докончаний между русскими князьями, уже начали пониматься как межгосударственные.

В правление Ивана III традиция княжеских докончаний, основанная на взаимных обязательствах договаривающихся сторон, постепенно угасает. Зато возникает новый вид документа – крестоцеловальная запись опального вельможи, который, получив прощение, клянется в верности государю. Самым ранним дошедшим до нас документом такого рода является кре-

¹¹ Там же. № 7. С. 23.

¹² Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. Приложение. С. 339.

¹³ Там же. С. 343. О дате см.: Там же. С. 245–246.

¹⁴ Там же. С. 345; ДДГ. № 37. С. 105; № 59. С. 187, 189; № 63. С. 202, 205.

¹⁵ ДДГ. № 13. С. 37.

¹⁶ Там же. № 34. С. 87; № 36. С. 101, 103.

¹⁷ Там же. № 53. С. 160.

¹⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 125, 129.

стоцеловальная грамота князя Данила Дмитриевича Холмского, данная великому князю Ивану Васильевичу 8 марта 1474 г.

Князь Данило поклялся служить государю и его детям до конца своей жизни и не «отъехать» от них «к иному ни х кому». Среди прочих принятых им на себя обязательств имелся и такой пункт, напоминающий известную статью договорных грамот: «А добра ми ему и его дѣтем хотѣти вездѣ во всем. А лиха ми своему г(о)с(у)дарю¹⁹ великому князю и его дѣтем мнѣ, кн(я)зю Данилу, не мыслити, ни хотѣти никакова. А где ѿт ког(о) услышу ѿ добрѣ или ѿ лихѣ г(о)с(у)даря своего великого кн(я)зя и ѿ его дѣтехъ ѿ добрѣ или ѿ лихѣ, и мнѣ то сказати своему г(о)с(у)дарю великому кн(я)зю и его дѣтем вправду, по сеи моеи укрепленной грамоте безхитростно»²⁰.

И здесь не обошлось без посредничества митрополита: в грамоте сказано, что князь Данило Холмский бил челом великому князю «за свою вину своим ѿсподином Геронтѣем митрополитом всеа Руси и его детми и сослужебники...» (далее перечислено три епископа и три архимандрита)²¹. В сохранившемся списке грамоты отмечено, что она была скреплена подписью и печатью митрополита²².

О причастности митрополичьей кафедры к составлению крестоцеловальных записей недвусмысленно свидетельствует формулярный извод подобной грамоты, сохранившийся в сборнике из архива митрополичьей канцелярии (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 562). Формуляр по структуре и лексике очень близок к процитированной выше грамоте князя Д. Д. Холмского. В частности, полностью совпадает фраза о желании государю «добра»: «А добра нам ему и его детем хотети везде во всем»²³. Очень похоже звучит и следующая фраза (из-за оплошности писца она в митрополичьем сборнике оказалась скопирована дважды): «А лиха ми своему государю, великому князю, и его детем мне, имярек, и с своими со всеми детми не мыслити, ни хотети, ни детем хотети везде во всем»²⁴.

Издатели митрополичьего архива датировали формулярный извод крестоцеловальной записи декабрем 1448 – декабрем 1471 г., поскольку в сборнике он находится среди материалов этого периода. Но в комментарии к документу А. И. Плигузов отметил, что титул митрополита в этой грамоте имеет вид, который он приобрел только после смерти Ионы весной 1461 г.: «митрополит всеа Руси», без определения «киевский», что делает возможной датировку 1461–1471 гг. Тем не менее исследователь пришел к выводу, что «осмотрительнее сохранить более широкие хронологические рамки», указанные в публикации [Плигузов, с. 989].

Предосторожность действительно излишняя. Дело в том, что, хотя титул митрополита в анализируемом документе соответствует тому, который носили преемники Ионы после 1461 г., сам формуляр крестоцеловальной записи, как заметил еще С. Б. Веселовский²⁵, несет на себе отпечаток более раннего времени. В частности, первая фраза статьи о желании «добра» государю обнаруживает близкое сходство с соответствующими обязательствами в докончани-

¹⁹ В отечественной археографической традиции принято раскрывать сокращение «гсдрь» как «государь». Между тем, как показал А. Золтан, до конца XV в. это слово употреблялось исключительно в форме «господарь»; та же форма встречается еще на печатях Василия III и монетах Ивана IV [Золтан, с. 584–586]. Б. А. Успенский высказал недавно предположение о том, что слово «государь» как форма обращения к царю появилось в середине XVI в. и вплоть до начала XVII в. сосуществовало со словом «господарь», остававшимся частью официального титула правителей Российского государства [Успенский, с. 139–142].

²⁰ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 18. С. 34–35.

²¹ Там же. № 18. С. 34.

²² Там же. С. 35.

²³ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008. № 46. С. 184.

²⁴ Там же.

²⁵ Комментируя этот документ из сборника митрополичьих грамот, С. Б. Веселовский отметил, что содержащаяся в нем форма присяги «была составлена в первой половине XV в., а может быть и раньше, и применялась как шаблон» [Веселовский, с. 251].

яч Василия II с удельными московскими князьями 40–50-х гг. XV в. Так, в договоре великого князя Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем (около 1447 г.) читаем: «А добра ти мнѣ, великому кн(а)зю, хотѣти и моим дѣтем вездѣ, во всем»²⁶.

Вторая часть той же статьи крестоцеловальной записи – о нежелании государю и его детям никакого «лиха» – встречается в княжеских докончаниях гораздо реже, но и ей можно найти соответствие – в договоре Василия II с князем можайским Иваном Андреевичем (весна 1448 г.). В грамоте, составленной от имени князя Ивана, тот брал на себя обязательство: «А мне, кн(а)зю Ивану Одреевич(ю), тобѣ, великому кн(а)зю Василью Васильевичю, и твоеи матери, великой кн(а)г(и)ни, и твоеи великой кн(а)г(и)ни, и твоим дѣтем не хотѣти никакова лиха, ни думат(и), ни мои кн(а)г(и)нѣ, ни моим дѣтем»²⁷.

Наконец, третья часть той же статьи (отсутствующая в митрополичьем формулярнике, но имеющаяся в крестоцеловальной записи князя Д. Д. Холмского и последующих грамотах того же типа²⁸) – о сообщении великому князю любой информации о «добре» или «лихе» его самого и его детей – также восходит к княжеским докончаниям. Как показано выше, уже по договору 1364/1365 г. великий князь Дмитрий Иванович и его двоюродный брат Владимир Андреевич, князь серпуховской, приняли на себя обязательство уведомить вторую сторону, если что услышат «о добрѣ или о лисѣ» в отношении друг друга. В дальнейшем этот пункт с небольшими вариациями повторялся в договорах между князьями на протяжении ста с лишним лет. Единственное новшество, которое в эпоху Ивана III позволили себе составители крестоцеловальной записи по сравнению с известным им формуляром княжеских докончаний, заключалось в том, что упомянутое обязательство было распространено и на детей великого князя.

Таким образом, можно предположить, что крестоцеловальные записи вошли в практику при Иване III, в 60-х или начале 70-х гг. XV в., на что как будто указывает сокращенный титул митрополита в сохранившейся формулярной копии, но сами обязательства, составившие их основу, были выработаны ранее под влиянием договоров, которые Василий II, победивший в междоусобной войне, заключал со своей удельной «братией». При этом статья о желании «добра», когда-то призванная демонстрировать чистоту помыслов и благие намерения князей, вступавших между собой в докончания «по братской любви», превратилась в одностороннее обязательство подданного по отношению к государю, став инструментом контроля за лояльностью придворной элиты.

В XVI в. крестоцеловальные записи получили дальнейшее распространение: от времени правления Василия III и Ивана IV до нас дошло два десятка подобных документов²⁹.

При великом князе Василии Ивановиче в их формуляр были внесены существенные изменения. Если крестоцеловальная запись князя К. И. Острожского, данная им 18 октября 1506 г., полностью следовала ранее созданному шаблону³⁰, то следующий дошедший до нас документ такого рода – грамота князя В. В. Шуйского, датируемая февралем – августом 1522 г.³¹, – содержит два новых элемента в интересующей нас статье: во-первых, обязательство «добра хотѣти» было распространено на великую княгиню (при этом, что интересно, не названную по имени!), а во-вторых, оно теперь касалось и земель великого князя. В итоге статья о «добре» приняла следующий вид: «А добра ми своему государю великому князю Василью Ивановичу всеа Руси, и его великой княгине, и ихъ дѣтемъ, и ихъ землямъ хотѣти вездѣ во всемъ въ правду,

²⁶ АДГ. № 45. С. 129.

²⁷ Там же. № 51. С. 150.

²⁸ См.: СГД. М., 1813. Ч. 1. № 146 (1506 г.). С. 404; № 149 (1522 г.). С. 414; и др.

²⁹ Там же. № 146, 149, 152–154, 157, 159, 162, 163, 165, 167–169, 172, 174, 177, 182, 189, 196, 201.

³⁰ Там же. № 146. С. 403–404.

³¹ Грамота помечена 7030 г., а упоминание митрополита Даниила, занявшего кафедру в феврале 1522 г., позволяет сузить хронологические рамки до февраля – августа 1522 г.

безо всякїе хитрости и до своего живота»³². Далее следовало обещание тем же высоким особам и их землям «лиха ... не мыслити, ни думати, ни дѣлати никакими дѣлы ...»³³.

Вполне возможно, однако, что указанные изменения были внесены в формуляр крестоцеловальной записи значительно раньше 1522 г. На такое предположение наводит один пассаж из московской повести о взятии Пскова, сохранившейся в сборнике из Румянцевского собрания РГБ и опубликованной Н. Н. Масленниковой.

Вот как автор повести описывает присягу псковских посадников, бояр, купеческих старост и купцов, задержанных по приказу Василия III в Новгороде в конце 1509 г.: «... а сами посадники и все псковичи целовали крест перед великого князя бояры и перед дияки на записи на том, что им служити и доброхотети во всем, в правду без всякия хитрости, а лиха им государю и его великой княине, и их детем, и их землям никакова не хотети, ни мыслити, ни думати, и неотступным им быти от своего государя и до своего живота»³⁴.

Как видим, содержание «записи», на которой приносили присягу псковичи перед взятием их города Василием III, воспроизведено в московской повести почти с документальной точностью и по формуляру сильно напоминает дошедшую до нас в оригинале более позднюю крестоцеловальную грамоту князя В. В. Шуйского 1522 г.

Поскольку обязательным пунктом присяги на верность государю являлось клятвенное обещание желать ему, его семье и подвластным ему землям «добра», то само выражение «добра хотѣти» и его производные («доброхот», «доброхотство» и др.) стали прочно ассоциироваться с верной службой правителю, как своего рода синонимы лояльности.

Показательно, что Максим Грек в своем «Исповедании веры», которое в новейшем издании датируется временем около 1540 г., отвергая выдвинутые против него обвинения, заявлял: «... благодатию истиннаго Бога нашего Иисуса Христа и правовѣрен христиан есмь по всему и богохранимыа дръжавы Рускыа доброхотен и прилежниишии богомольец»³⁵.

Под «державой» в приведенной фразе, по всей видимости, имеется в виду самодержец, то есть государь всея Руси, и именно его «прилежнейшим богомольцем» называет себя Максим. В том, что такое словоупотребление было обычным во второй четверти XVI в., можно убедиться на примере следующей цитаты из «Послания великому князю Василию Ивановичу», которое примыкает к циклу сочинений о «Третьем Риме» и датируется Н. В. Синецкой временем между 1524 и 1526 гг.: «И да вѣсть твоя дръжава, благочестивый царю, яко вся царства православныа христианския вѣры снидошася в твое едино царство ...»³⁶.

Иван Грозный считал «доброхотство» важнейшим качеством придворного. Это слово, наряду с прилагательным «доброхотный» и глаголом «доброхотствовать», занимает особое место в его лексиконе.

В послании Стоглавому собору молодой царь, вспоминая бедствия времен своего сиротского детства, с укоризной писал о боярах и вельможах, некогда любимых его отцом, что они, «совѣт небл(а)г съвѣщаша ми, вменияще, яко мнѣ доброхотствуютъ, наипаче же себѣ самовластие улучающе, яко помрачени умом, дръзнули поимати и скончати братию отца моего»³⁷.

Обличение преступного нерадения вельмож и советников стало одним из лейтмотивов Первого послания царя князю Андрею Курбскому. При этом венценосный писатель активно

³² СГД. Ч. 1. № 149. С. 414.

³³ Там же.

³⁴ Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. Приложение. С. 189.

³⁵ Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. № 1. С. 51. О дате см.: Там же. С. 14, 19, 20.

³⁶ Синецкая Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М., 1998. Приложение. № 2. С. 358–359.

³⁷ Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 246.

использовал слова с корнем «доброхот»: «доброхотство», «доброхотно», «доброхотствуют» и т. д. В пространной редакции памятника они встречаются более 15 раз³⁸. Перечисляя боярские «измены», царь снова и снова риторически спрашивает своего оппонента: «Ино то тех доброхотство, которых ты хвалиши?.. и тако ли доброхотствуют?»³⁹. И далее, вспоминая убийство князя Ю. В. Глинского во время июньского восстания 1547 г. и приход мятежной толпы в село Воробьево, где тогда находился царь, Грозный восклицает: «И тако ли доброхотно подобает нашим бояром и воеводам нам служити, еже такими собрании собатцкими, без нашего ведома, бояр наших убивати, да еще и в черте кровной нам?»⁴⁰.

К середине XVI в. «доброхотство» стало уже настолько неотъемлемой чертой идеального придворного, что этот образ, проникнув в дипломатическую переписку, начал проецироваться и на дворы иностранных государей. Так, в апреле 1560 г. в послании польскому королю Сигизмунду Августу Иван IV, отвергая претензии последнего на Ливонскую землю, притворно предположил, что соответствующие слова в королевской грамоте появились по вине какого-то нерадивого советника: «И нам ся видит, что такие небылые и непригожие слова в той грамоте писаны без твоего, брата нашего, ведома, таких людей думою, которые тебе, брату нашему, и всему твоему государству добра не хотят»⁴¹.

Аналогичным образом, когда в 1569 г. Иван IV узнал от крымского хана Девлет-Гирея, что султан приказал ему выступить в поход на земли царя, он объяснил это решение Селима II тем, что молодого и неопытного турецкого правителя подвели его приближенные: «И мы тому дивимся, – писал царь хану, – почему Селим-салтан хочет нам недружбу доводить, а с нами не обослався. Ино то большое, потому так сталось ему внове, – седши на государство, розпытати было неколи: как меж государей поведение ведетца. А которые люди его ближние, и в тех большое ему доброхота нет, и они ему не известят: как промеж государей поведение ведетца...»⁴².

Включение в текст присяги на верность государю упоминания его земель, произошедшее в годы правления Василия III, естественно рассматривать как расширение «формулы лояльности» и дальнейшее развитие патримониального дискурса: гарантии безопасности были последовательно распространены на семью великого князя и его владения. Есть основания полагать, что именно в таком духе понимали соответствующий пункт присяги подданные сразу после смерти великого князя Василия Ивановича: об этом свидетельствует дошедший до нас уникальный документ – челобитная некоего Ивана Яганова на имя юного Ивана IV, написанная в декабре 1533 или первые месяцы 1534 г. (о дате см.: [Кром, 2010, с. 98–99]).

Яганов, служивший тайным осведомителем великокняжеского правительства при дворе удельного князя Юрия Дмитровского, после смерти Василия III утратил доверие новых властей в результате какого-то своего неудачного доноса и был арестован. Пытаясь оправдаться, в челобитной он утверждал, что действовал в строгом соответствии с присягой: «А в записи, государь, в твоей целовальной написано: “Слышев о лихе и о добре, сказати тебе, государю, или твоим боаром”»⁴³. И далее, поведав об испытываемых им в заточении мучениях, Яганов в отчаянии восклицает: «И буду, государь, виноват про то, что тебе, государю, служу и земле твоей добра хочу, и ты, государь, вели нас всех казнити, которые отцу твоему служили да и тебе служат...»⁴⁴.

³⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л., 1979. С. 19, 25–27, 29, 32, 34, 38.

³⁹ Там же. С. 27.

⁴⁰ Там же. С. 29.

⁴¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 609–610.

⁴² Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М., 2016. С. 201.

⁴³ Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 23.

⁴⁴ Там же.

В приведенной цитате «земля» названа государевой и декларируемое доброе чувство к ней неразрывно связано с наследственной верной службой великим князьям. И вместе с тем было бы неправильно игнорировать тот факт, что в течение многих десятилетий, начиная с эпохи Василия III и вплоть до конца царствования Ивана IV, «земли» включались в тексты крестоцеловальных записей⁴⁵: тем самым подданные исподволь приучались к мысли о том, что и «земля», то есть страна, также является объектом заботы.

Более того, известен случай, когда царский воевода укорял власти и население, правда, не русского, а ливонского города в нежелании «добра» их собственной земле. Речь идет о грамоте, которую боярин князь Петр Иванович Шуйский отправил 13 августа 1558 г. из Юрьева (совр. Тарту) в Кольвань (Таллинн) с призывом сдать город на милость царя. Обращаясь к членам городского совета и «всем кольванским людям», воевода упрекал их за то, что они игнорируют его призывы, не верят его словам, а своим государем называют датского короля. «И нам ся видит, – продолжал князь Шуйский, – умышление ваше некрепко и землѣ своей недоброхоты, прибыльную рать на землю наводите и землю свою хотите пусту учинити такими наемными государями»⁴⁶.

Можно, конечно, сказать, что притворная забота царского воеводы о благе неприятельского города была лишь пропагандистской уловкой, но нельзя не заметить, с какой легкостью привычное словечко «недоброхоты» было использовано в новом контексте.

Кроме того, для понимания последующих семантических изменений важно учесть эволюцию понятия «государство» во второй половине XVI в.: начиная с появления в Судебнике 1550 г. выражения «здешнее государство» (ст. 27)⁴⁷ становится заметна тенденция к обособлению «государства» от «государя» (подробнее см.: [Кром, 2006, с. 62–64]). С конца XVI в. всё чаще употреблялись словосочетания «Московское государство», «Российское государство», и именно это понятие, как отметил А. В. Толстиков, стало основой идентификации жителей страны в эпоху Смуты [Толстиков, с. 302–303].

* * *

Возвращаясь к «Новой повести о преславном Российском царстве», с цитирования которой я начал эту статью, можно с уверенностью сказать, что новаторство анонимного автора упомянутого публицистического произведения заключалось отнюдь не в выборе языковых средств. Более того, вполне вероятно, что написавший его приказной человек намеренно употребил архаичное выражение «доброхоты», что в сочетании с подражанием высокому церковному стилю должно было усилить агитационный эффект этого сочинения. Сравнительно новым был объект, на который были направлены добрые чувства патриотов, – не царь (которого в тот момент и не было на престоле), а Российское царство как единое политическое сообщество.

В условиях Смуты изменилось и значение слова «доброхот»: если в России XVI в. оно, как показано выше, прочно ассоциировалось с верной службой государю и, по сути, являлось синонимом царского советника, преданного своему повелителю душой и телом, то теперь

⁴⁵ СГГА. Ч. 1. № 149. С. 414 (1522 г.); № 152. С. 421 (1524 г.); № 153. С. 424 (1524 г.); № 154. С. 426 (1525 г.); № 157. С. 433 (1529 г.); № 159. С. 441 (1531 г.); № 162. С. 449 (1532 г.); № 165. С. 456 (1547 г.); № 172. С. 471 (1561 г.); № 177. С. 485 (1567 г.); № 182. С. 504 (1565 г.); № 189. С. 534 (1566 г.); № 201. С. 588 (1580/1581 г.). По каким-то причинам «земли» не упоминаются в крестоцеловальной записи удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, данной им юному Ивану IV и его матери, великой княгине Елене, около 1535/1536 г. (Там же. № 163. С. 451. О дате см.: [Кром, 2010, с. 178]). В трех крестоцеловальных записях, данных князем Владимиром Андреевичем Старицким в 1553–1554 гг., «земли» в соответствующей статье заменены «государствами» (СГГА. Ч. 1. № 167. С. 460; № 168. С. 462; № 169. С. 465).

⁴⁶ Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. № 70. Стб. 121.

⁴⁷ Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 101.

«доброхот» оказывается радетелем о своем народе и государстве, то есть патриотом. Помимо «Новой повести», такое словоупотребление характерно и для «Писания о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского» – яркого произведения, наполненного фольклорными мотивами, написанного, по мнению исследователей, через два-три года после скоропостижной смерти знаменитого воеводы, последовавшей весной 1610 г. (о дате см.: [Енин, с. 36]).

Автор «Писания» вложил горестную фразу, прославляющую умершего героя, в уста соратника князя Скопина – «свицкого воеводы» Якова Пунтосова (то есть Якоба Делагарди). Обращаясь к «русскому народу», он говорил: «Уже, де, нашего кормильца и вашего доброхота, Русския земли столпа и забрала, крѣпкаго воеводы не стало!»⁴⁸.

Таким образом, путь от локального патриотизма, ярко проявившегося в псковском летописании XV в., до патриотизма общерусского и государственного, заявившего о себе в эпоху Смуты, оказался долгим и отнюдь не прямым. Приведенные выше наблюдения позволяют, на мой взгляд, высказать гипотезу о том, что упомянутые формы патриотического сознания на Руси не связаны отношениями преемственности: «доброхотыящие Российского царства» начала XVII в. не были «наследниками» «добра хотящих Великому Новгороду и Пскову» XV в., хотя в обоих случаях использовались одни и те же слова.

Возможно, определенное значение имел тот факт, что в Москве, в отличие от «тверского патриотизма» (см.: [Клюг, с. 316–325]) или идей новгородской независимости и псковской автономии, не получили развития какие-либо формы местного, регионального самосознания. Напротив, московские князья уже в XIV в. демонстрировали стремление к лидерству, а затем и к господству в масштабе всей Русской земли.

Как бы то ни было, с точки зрения семантики четко прослеживаются две параллельные, не связанные друг с другом истории. В псковской летописной традиции XV – первой половины XVI в. выражение «добра хотѣти» и его производные последовательно использовались для прославления тех, кто верой и правдой служил родному городу, а также для обозначения сторонников Пскова («доброхот чюдин»). Между тем в Московской Руси то же выражение сначала было встроено в междукняжеские договоры, а затем стало неотъемлемой частью крестоцеловальных записей на верность государю. В XVI в., как показано выше, слово «доброхот» прочно ассоциировалось с фигурой верного царского советника. И только после того как к началу XVII в. сформировалось новое понятие государства как политической общности, охватывающей весь народ, стало возможно переосмысление давно известных слов вроде «доброхота» или «доброхотыящих»: в эпоху Смуты они стали обозначать людей, радеющих об интересах страны, то есть патриотов.

Литература

- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582, [1] с., [1] л. портр.
- Дергачев В. В. Вселенский синодик в древней и средневековой России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 18–29.
- Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. 239 с.
- Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 404–408.
- Енин Г. П. «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина» // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 36–38.

⁴⁸ Писание о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского // БЛДР. Т. 14. С. 144.

- Золтан А. К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 554–590.
- Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. 431 с.
- Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 16–30.
- Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века. СПб., 2006. С. 54–69.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 887 с.
- Кром М. М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020. 157, [1] с.
- Кучкин В. А. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 11–64.
- Кучкин В. А. Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 60–77.
- Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М.; Л., 1945. 119 с.
- Никольский К. Т. Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. СПб., 1879. 314, [1] с.
- Охотникова В. И. Летописи Псковские // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 27–30.
- Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888. VI, 372 с.
- [Плигузов А. И.] Комментарий к № 46 // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1992. Ч. 5. С. 989–991.
- Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Росийском царстве» // ТОДРА. Л., 1981. Т. 36. С. 103–113.
- Толстиков А. В. Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII века // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. Вып. 14. С. 294–310.
- Успенский Б. А. К истории слова *государь*: некоторые выводы и предположения (титул *государь* и династия Романовых) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 4 (94). С. 135–147. DOI 10.25986/IRI.2023.94.4.011

References

- Dergachev, V. V. Vselenskii sinodik v drevnei i srednevekovoi Rossii [The Universal Synodikon in Old and Medieval Russia]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2001. No. 1 (3). Pp. 18–29.
- Droblenkova, N. F. Novaya povest' o preslavnom Rossiiskom tsarstve i sovremennaya ei agitatsionnaya patrioticheskaya pis'mennost' [The New Tale of the Glorious Russian Tsardom and the Contemporary Agitation Patriotic Literature]. Moscow; Leningrad, 1960. 239 p.
- Droblenkova, N. F. “Novaya povest' o preslavnom Rossiiskom tsarstve i velikom gosudarstve Moskovskom” [“The New Tale of the Glorious Russian Tsardom and the Great Muscovite State”]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1993. Issue 3. Part 2. Pp. 404–408.
- Enin, G. P. “Pisanie o prestavlenii i o pogrebenii knyazya Mikhaila Vasil'evicha Shuiskogo, rekomago Skopina” [The Story of the Death and Funeral of Prince Mikhail Vasil'evich Shuisky, Nicknamed Skopin]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1998. Issue 3. Part 3. Pp. 36–38.
- Klyug, E. Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485 gg.) [The Principality of Tver (1247–1485)]. Tver, 1994. 431 p.
- Krom, M. M. K voprosu o vremeni zarozhdeniya idei patriotizma v Rossii [On the Time of the Origins of the Idea of Patriotism in Russia]. In *Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.)*. Moscow, 1994. Pp. 16–30.
- Krom, M. M. Rozhdenie “gosudarstva”: iz istorii moskovskogo politicheskogo diskursa XVI veka [The Birth of “Gosudarstvo”: On the History of the 16th-century Muscovite Political Discourse]. In *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii. XVI–XX veka*. Saint Petersburg, 2006. Pp. 54–69.
- Krom, M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [“The Widowed Tsardom”: The Political Crisis in Russia in the 1530–1540s]. Moscow, 2010. 887 p.

- Krom, M. M. Patriotizm, ili Dym otechestva [Patriotism, or The Smoke of the Homeland]. Saint Petersburg, 2020. 157, [1] p.
- Kuchkin, V. A. Pervaya dogovornaya gramota Dmitriya Donskogo s Vladimirom Serpukhovskim [The First Treaty between Dmitry Donskoi and Vladimir, the Prince of Serpukhov]. In *Zvenigorod za shest' stoletii*. Moscow, 1998. Pp. 11–64.
- Kuchkin, V. A. Dogovor 1372 g. velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha s Vladimirom Andreevichem Serpukhovskim [The Treaty of 1372 between Grand Prince Dmitry Ivanovich and Vladimir Andreevich, the Prince of Serpukhov]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2007. No. 1 (27). Pp. 60–77.
- Likhachev, D. S. Natsional'noe samosoznanie drevnei Rusi. Ocherki iz oblasti russkoi literatury XI–XVII vv. [National Consciousness of Old Rus. Essays on the Russian Literature of the 11th – 17th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1945. 119 p.
- Nicol'skii, K. T. Anafematstvovanie (otluchenie ot tserkvi), sovershaemoe v pervuyu nedelyu Velikogo posta [Proclaiming Anathema (Excommunication) on the First Sunday of Lent]. Saint Petersburg, 1879. 314, [1] p.
- Okhotnikova, V. I. Letopisi Pskovskie [The Pskov Chronicles]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1989. Issue 2. Part 2. Pp. 27–30.
- Platonov, S. F. Drevnerusskie skazaniya i povesti o Smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskii istochnik [The Old Russian Tales and Stories about the Time of Troubles in the 17th Century as a Historical Source]. Saint Petersburg, 1888. VI, 372 p.
- [Pliguzov, A. I.] Kommentarii k № 46 [A Commentary to the Doc. no. 46]. In *Russkii feodal'nyi arkhiv XIV – pervoi treti XVI veka*. Moscow, 1992. Part 5. Pp. 989–991.
- Solodkin, Ya. G. K datirovke i atributsii "Novoi povesti o preslavnom Rosiiskom tsarstve" [On the Dating and Attribution of the "New Tale of the Glorious Russian Tsardom"]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1981. Vol. 36. Pp. 103–113.
- Tolstikov, A. V. Predstavleniya o gosudare i gosudarstve v Rossii vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII veka [The Notions of the Sovereign and the State in Russia in the Second Half of the 16th – the First Half of the 17th Century]. In *Odissei. Chelovek v istorii*. Moscow, 2002. Issue 14. Pp. 294–310.
- Uspenskii, B. A. K istorii slova gosudar': nekotorye vyvody i predpolozheniya (titul gosudar' i dinastiya Romanovykh) [Towards the History of the Word Gosudar': Some Conclusions and Suggestions (The Title Gosudar' and the Romanov Dynasty)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2023. No. 4 (94). Pp. 135–147. DOI 10.25986/IRI.2023.94.4.011
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Studies on the History of the Class of the Service-Bound Landowners]. Moscow, 1969. 582, [1] p., [1] l. of portr.
- Zoltan, A. K predystorii russk. "gosudar'" [On the Origins of the Russian Word "Gosudar'"]. In *Iz istorii russkoi kul'tury*. Moscow, 2002. Vol. 2. Book 1 (Kievskaya i Moskovskaya Rus'). Pp. 554–590.

Mikhail M. Krom

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

WELL-WISHERS OF THE RUSSIAN TSARDOM:
CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF PATRIOTIC AND LOYALIST VOCABULARY UP TO THE BEGINNING OF THE 17th CENTURY

Based on a wide range of primary sources (chronicles, princely treaties, oaths, diplomatic records, works of publicists, etc.), the paper traces the history of such words as *dobra khoteti* ("to wish the best"), *dobrokhot* ("a well-wisher"), and the like. It is argued that in 15th-century Pskov, they reflected local patriotism, while in North Eastern Rus, similar expressions were used for mutual obligations of the princes in their treaties. In 16th-century Muscovite State, the same words were part of the oath to the sovereign, and in the Time of Troubles, patriots used them to encourage their confederates.
Keywords: patriotism, loyalty, princely treaties, oaths on the cross, the Muscovite State, Pskov

